N 24/542
1843

24922
E
N 24/542

СКАЗАНІЯ СТАРОЖИЛОВЪ

о

ПРЕБЫВАНІИ ПУГАЧЕВА ВЪ КАЗАНИ

и

О СОСТОЯНІИ ЕЯ ВЪ ТО ВРЕМЯ.

=

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта
и исторіи Казани,

собранные К. Ѳ. Фуксомъ.

=

XX—7654

КАЗАНЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1845.

Перепечатано изъ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

2007050390

№ 24/542

»Въ 1833 году, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, проѣзжая въ Оренбургскую губернію, остановился на одни сутки въ Казани. Я имѣлъ счастіе видѣть этого знаменитаго поэта въ моемъ домѣ, и провести нѣсколько пріятнѣйшихъ, незабвенныхъ часовъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Онъ желалъ получить отъ меня нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи Пугачева въ Казани; но я, никогда не занимаясь этимъ предметомъ, не могъ въ полной мѣрѣ сдѣлать ему угодное, однакожъ передалъ все, что зналъ до того времени. Его обязательная признательность, за такія маловажныя услуги мои, заставила меня дать ему слово, заняться этимъ предметомъ серьезнѣе; къ сожалѣнію, не имѣя довольно свободнаго времени, не могъ я скоро исполнить желанія незабвеннаго Пушкина. Смерть похитила его у Россіи и лишила меня счастія показать ему мою преданность исполненіемъ его желанія; однако я взялъ, твердое намѣреніе, и по смерти его, сдержать данное ему слово, чтобы, исполняя волю его, принесть признательную дань и незабвенному его праху. Четыре года я собиралъ, съ неусыпнымъ стараніемъ, всѣ свѣдѣнія, всѣ историческія истины, рукописи и изустныя сказанія Казанскихъ старожиловъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями тогдашнихъ произшествій при самозванцѣ Пугачевѣ.« . . . . .

К. Фуксъ.

(Извлечено изъ предисловія къ историческому роману А. А. Фуксъ, Зюлима или Пугачевъ въ Казани).

СКАЗАНІЯ

КАЗАНСКАГО КУПЦА И. А. СУХОРУКОВА(*)

—

Мнѣ отъ роду было 15 лѣтъ. Домъ родительскій стоялъ на Арскомъ полѣ, недалеко отъ Грузинской церкви. Нашъ домъ былъ высокъ, и я, какъ любопытный мальчикъ, взлѣзалъ на кровлю, и оттуда глядѣлъ на пространство Арскаго поля, гдѣ, по тогдашнимъ рощамъ, тамъ, въ теченіе цѣлой недѣли, собирались передовые отряды Пугачевской сволочи. Они состояли, по большой части, изъ Татаръ, Башкирцевъ и многихъ Калмыковъ, и изъ окольныхъ крестьянъ. Въ шайкѣ его не много было Русскихъ воиновъ, насильно забранныхъ имъ, по взятіи маленькихъ крѣпостцей, да и тѣхъ держалъ онъ всегда около себя. Такимъ образомъ ему достались и Артиллеристы съ пушками. Едва было 500 козаковъ, за нимъ слѣдовавшихъ.

(*) Казанскій купецъ И. А. Сухоруковъ, умеръ года четыре тому назадъ, лѣтъ 80-ти. Это былъ, въ свое время, одинъ изъ зажиточнѣйшихъ купцевъ Казанскихъ.

Кто хотѣлъ пристать къ его шайкѣ изъ молодыхъ людей, и, особенно изъ солдатъ, тому приказывалъ онъ тотчасъ обрѣзать косу, отростить бороду и перевязать лѣвую руку бѣлымъ платкомъ, что было знакомъ преданнаго ему служиваго, а оружіемъ запастись самому. Башкирцы и Калмыки, по большой части, имѣли только одинъ лукъ съ стрѣлами.

Наши Казанскіе военачальники наскоро построили на Арскомъ полѣ 4 батареи, между которыми поставлены были рогатки, вышиною по грудь человѣка. Первая батарея стояла, гдѣ нынѣ домъ Удѣльной Конторы; вторая, гдѣ нынѣ оканчивается у Арскаго поля новая Горшечная улица; третья, на третьей горѣ суконной слободы; а четвертая, на высокомъ берегу рѣки Казанки, не далеко отъ нынѣшней Красной улицы. На этихъ батареяхъ находились одни только инвалиды и приданные имъ въ помощь, не привычные къ военному искуству граждане.

Гдѣ нынѣ военный гошпиталь, тамъ былъ тогда маленькій загородный домикъ, съ вѣтреною мельницею, купца Болдырева; а гдѣ нынѣ строится домъ для дѣвичьяго Института (*), былъ пребольшой домъ прежняго Губернатора Алферьева. Оба эти мѣста были окружены большими садами, съ фруктовыми деревьями.

(*) Это было разсказываемо въ 1837 году.

Съ кровли нашего дома я видѣлъ, какъ Пугачевъ, между упомянутыми домами, то есть, гдѣ нынѣ каменный мостъ съ Сибирскою заставою, велѣлъ собрать неимовѣрное количество соломы, между грудами которой онъ поставилъ нѣсколько пушекъ, и стрѣлялъ на вышеозначенные батареи. Когда началась пушечная пальба, дѣдъ нашъ Михаилъ Сухоруковъ отвелъ насъ въ Грузинскую церковь, въ которой, укрываясь, заперся близь живущій народъ. Вскорѣ наши воины принуждены были отступить только уже съ двумя пушками, изъ которыхъ они, ретируясь по Грузинской улицѣ, стрѣляли, такъ что картечи падали на церковь и насъ приводили въ страхъ. Эта пальба съ самаго начала продолжалась около двухъ часовъ. Тогда мы изъ церкви увидѣли, что мятежники пустились по нашей улицѣ, крича, чтобъ мы отперли церковь, и, давая слово, что мы будемъ безопасны. Сперва мы не могли тотчасъ рѣшиться, но когда они начали стрѣлять въ окошки, тогда мы принуждены были отпереть церковныя двери. Здѣсь находилось много сундуковъ съ имѣніемъ, и въ одномъ было много образовъ, въ серебряныхъ ризахъ и окладахъ. Мятежники выпустили всѣхъ насъ изъ церкви и взяли въ плѣнъ, а церковь опять заперли. Мы шли отсюда по Арскому полю, словно въ праздничномъ ходу. Послѣ узнали мы, что оставшееся въ церкви имѣніе наше было разграблено, но образа, находившіеся въ сундукѣ, оставлены въ цѣлости. Доказательство, что имѣніе наше разграблено не Магометанами.

Дѣдъ мой опоздалъ скрыться съ нами въ церкви, и былъ недалеко, въ переулкѣ, убитъ козаками, потому что онъ былъ въ Нѣмецкомъ платьѣ и безъ бороды. Священники же Грузинской церкви ходили съ нами въ одной рубахѣ и босикомъ, чтобъ козаки ихъ не узнали: иначе они подверглись бы такой же участи, какъ и дѣдъ мой.

Я, какъ мальчикъ, бѣгалъ по другимъ переулкамъ, за этой сволочью, и издали примѣтилъ, что они поставили двѣ пушки на возвышенномъ мѣстѣ, между Казанскимъ монастыремъ и нынѣшнимъ казаматомъ, и стрѣляли на крѣпость. Другой отрядъ мятежниковъ старался поставить также двѣ пушки у замочной рѣшетки, недалеко отъ стараго гостинаго двора, и началъ стрѣлять въ Спасскіе ворота. Въ эту самую минуту загорѣлись тутъ же стоявшіе очень обширные и высокіе тріумфальные ворота, которые сообщили пламя близь находящемуся питейному дому и всѣмъ окружнымъ домикамъ, такъ что мятежники уже немогли продолжать пальбу, и принуждены были воротиться назадъ, по Грузинской улицѣ, на Арское поле. Въ тоже самое время городъ былъ зажженъ вдругъ въ 12-ти мѣстахъ. Бѣжавъ къ нашимъ плѣнныхъ, увидѣлъ я, что на Грузинской улицѣ, и еще болѣе на Арскомъ полѣ, лежало очень много мертвыхъ тѣлъ, кои были почти всѣ Башкирскія и Калмыцкія. Съ нашими соединился я близь подсѣки. Насъ прогнали, чрезъ Царицыно, до Савиновой мельницы. Въ плѣну были мы одни Русскіе, а Казанскихъ Татаръ не было; так-

же не видалъ я плѣнными и суконщиковъ. Мы здѣсь оставались три дня, и терпѣли голодъ. Всякой разъ, когда я подкрадывался къ козакамъ, вынимавшимъ изъ печи хлѣбъ, они грозили мнѣ нагайкой. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, я могъ, какъ мальчикъ, бѣжать въ деревню Сухую Рѣку, и прибѣжавъ туда, сверхъ моего чаянія, досталъ тамъ два пуда ржаной муки, которую, какъ кладъ, привезъ я къ моимъ домашнимъ. На другой день нашего плѣна, я уже слышалъ на зарѣ утренней и вечерней, въ продолженіе двухъ часовъ, пальбу внизу, у подсѣки, между Казанью и нашимъ мѣстопребываніемъ, но раненыхъ мы никого не видали. На четвертый день уже, въ 8 часовъ утра, отступилъ Пугачевъ.

Я больше десяти разъ видѣлъ Пугачева довольно близко. Онъ былъ плечистъ, средняго роста, съ черною прегустою бородою; одѣвался въ шелковое полукафтанье и бархатные шаровары; сверхъ полукафтанья носилъ шелковый халатъ. Онъ ѣздилъ очень скоро, окружаемый всегда десятью козаками. По виду онъ походилъ на простаго козака.

Купецъ Иванъ Васильевичъ Крохинъ былъ у Пугачева первымъ вельможей. Онъ содержалъ раскольническую молельню, гдѣ теперь домъ купца Мельникова, близь Егорьевской церкви, и Пугачевъ ходилъ къ нему въ молельню и въ баню. У другаго раскольника Шолохова, на Казанкѣ, была мельница, тоже съ молельнею; и тутъ так-

же бывалъ Пугачевъ. За домомъ помянутаго Крохина, въ горѣ, было жилище съ пещерою, въ которой часовенные раскольники укрывали Пугачева, когда онъ прежде убѣжалъ изъ казамата. Изъ суконщиковъ, Андрей Яковлевъ, былъ у Пугачева Полковникомъ; изъ суконщиковъ же былъ у него и писарь.

По изгнаніи Пугачева, граждане жили до осени въ погребахъ, потому что дома ихъ сгорѣли. Нѣкоторые помѣстились въ суконной слободѣ, которой пожаръ не коснулся.

Спустя десять лѣтъ послѣ Пугачева, здѣсь собралась секта раскольничья, называемая *Поморяне*. Господскій отпущенникъ, Алексѣй Хлѣбниковъ, былъ ихъ начальникомъ; послѣ него Иванъ Тихоновъ Золотаревъ.

До Пугачева, Казанскіе купцы въ родѣ жизни и въ роскоши не уступали дворянамъ. Они имѣли хорошіе капиталы и сношенія съ Министеріями. Вотъ имена главныхъ купцевъ въ Пугачевщину, въ Казани:

Петръ Григорьевичъ Каменевъ, Президентъ въ Магистратѣ, получившій шпагу изъ рукъ самой Императрицы, въ 1767 году (*)

(*) Это отецъ извѣстнаго нашего поэта Каменева, автора прекраснаго стихотворенія *Громвалъ*.

Александръ Алексѣевичъ Чикмаревъ.
Асафъ Семеновичъ Иноземцевъ.
Михаилъ Васильевичъ Сухоруковъ.
Владиміръ Тимофеевичъ Поярковъ.
Иванъ Ивановичъ Кобелевъ.
Петръ Дементьевичъ Смирновъ.
Андрей Тихоновичъ Пушниковъ.
Алексѣй Ильичъ Кирпичниковъ.
Алексѣй Ивановичъ Квасниковъ.
Осипъ Семеновичъ Петровъ.

Въ дополненіе къ этому изустному разсказу, купецъ П. А. Сухоруковъ доставилъ К. Ѳ. Фуксу слѣдующее письменное показаніе:

» Ваше Превосходительство, Карлъ Ѳедоровичъ! Изволили Вы меня призвать и принимали, чего я не стою, очень ласково, за что приношу мою чувствительную благодарность; но, какъ по требованію Вашему, я Вамъ всего, что видѣлъ съ издѣтства, во время Пугачева, за слабой моей отъ старости памятью, разсказать не могъ, то теперь на сей бумагѣ изъясняю:

На счетъ воинской обороны, гарнизонъ при городѣ состоялъ изъ престарѣлыхъ служивыхъ.

На Арскомъ полѣ устроены были три батареи, о которыхъ я Вамъ уже изъяснялъ. Вдоль Арскаго поля, близъ батарей, отъ одной до другой, поставлены были деревянныя рогатки, позади которыхъ стояли ратники, собранные изъ

гражданъ, которыми командовали, вмѣсто служащихъ офицеровъ, такіе же граждане, выбранные изъ купечества. Можетъ быть, и дѣдъ мой въ числѣ ихъ же находился; за тѣмъ онъ и не пошелъ съ нами въ церковь; только я этого не упомню и утверждать не могу.

Во всемъ городѣ, отъ пожару, не осталось ни кола, по самую Егорьевскую улицу, потому что зажженъ былъ мѣстахъ въ десяти и болѣе. Унимать пожаръ было не кому: народъ весь выгнатъ былъ Пугачевскими въ поле, между селеніями Савиновымъ и Царицынымъ.

Въ тоже лѣто на погорѣлыхъ мѣстахъ наставили келей къ осени очень довольно, кто какъ успѣлъ. Иной погребъ выломалъ, другой купилъ въ деревнѣ какую нибудь клѣтушку, и, умазавши глиной, въ ней жилъ; такъ и зиму провели. На другое лѣто, весной, и лѣсъ заготовился, и занято мѣстъ постройкою очень довольно, а на третій и еще больше. Потомъ вышелъ планъ, и эти постройки всѣ велѣно поломать. Кто хотѣлъ занимать свое мѣсто, тому выдѣлили, сколько слѣдуетъ по плану. Продавать крѣпостныя мѣста было запрещено, и отводили только по плану, кто требовалъ. За это на Князя Мещерскаго (*) отъ гражданъ открылось неудовольствіе; но онъ отзывался, что это дѣлаетъ по Указу Императрицы.

(*) Тогдашній Казанскій Губернаторъ.

Гражданъ принуждали, чтобы занимали мѣста по плановому строенію, а не такъ, какъ Чуваши строятся. Матеріалы нѣкоторые давали изъ казны, какъ то: кирпичъ, известку и связное желѣзо. Кромѣ сего выдавалось по четыреста рублей наличныхъ денегъ. Цѣны были матеріаламъ: кирпичу тысяча--два рубля съ четвертью, известка кипѣлка—шесть рублей сажень, желѣзо связное—двадцать пять копѣекъ пудъ. За это за все десять годовъ льготы; денегъ и этихъ матеріаловъ, пратикулярно, никто не выработывали. Кирпичи дѣлали въ казенныхъ сараяхъ. известь жгли колодники, и кирпичь дѣлался, вѣсомъ, фунтовъ въ семнадцать; лѣсъ строевой продавался—десять копѣекъ доска половая, трехъ саженная; по этому можно видѣть каковы цѣны были и на бревна.

Дрова липовыя и березовыя—тридцать и тридцать пять копѣекъ сажень, съ привозомъ на дворъ; а возами, одиннадцать и двѣнадцать копѣекъ возъ, и часто—гривна мѣдная. За постройку на каменномъ фундаментѣ дома, со службами, брали плотники 60 и 70 р.; кирпичная кладка была семьдесятъ и восемьдесятъ копѣекъ съ тысячи. Каменныхъ построекъ было не много въ городѣ: въ окружности одного квартала, гдѣ дома купца Каменева находились, т. е. въ Покровской улицѣ; потомъ далѣе, по Грузинской улицѣ, кирка Нѣмецкая, и, возлѣ нее, съ углу, былъ небольшой флигелекъ Генерала Артиллерійскаго Баннера, гдѣ нынче построенъ домъ Г. Мусина-Пушкина. Напро-

тивъ этого квартала, по той же улицѣ, домъ казенный, гдѣ была Адмиралтейская Контора; возлѣ нее домъ былъ выстроенъ Г. Макаровымъ, послѣ у него купленъ Асафомъ Семеновичемъ Иноземцовымъ: возлѣ домъ построенъ серебренникомъ, Иваномъ Ивановичемъ Москалемъ, а нынѣ казенное Военно-Сиротское Отдѣленіе. Шедши отъ Казанской, на углу, домъ купца Чикмарева, и, возлѣ его, также домъ съ флигелемъ, кѣмъ строенъ, не упомню. Строено все это до Пугачева. Известку жгли арестанты, противъ самой Воздвиженской церкви, гдѣ домъ нынче купца Серебренникова, а послѣ переведено на Гривку.

Состояніе Казани до Пугачева.

Строеніе было по большой части все деревянное; домики меленькіе, улицы узенькія, кривыя; Арская улица, по правую сторону Грузинской церкви, вдучи на Арское поле, была прямая и пошире прочихъ, и вся вымощена бревнами. На выѣздѣ на Арское поле, стояла большая караульная изба, въ которой жили выбранные отъ обывателей по очереди, на полугодичное время, сотники и десятники (съ точеными окрашеными дубинками), которые одни почти и содержали денной и ночной караулъ. Въ ночное время улица закладывалась деревянною рогаткою, немалой величины, на колесѣ, и однимъ концемъ прикрѣплявшаяся къ столбу болтомъ. По мелкимъ улицамъ вездѣ были сдѣланы большіе, для проѣзду, ворота, которые въ ночное время затворялись и запи-

рались замкомъ отъ жителя, который тутъ жилъ, при воротахъ. Въ Кремль, на гобвахту, на утреннюю и вечернюю зо́рю, ходили каждодневно музыканты и барабанщики, и на Спасской башнѣ висѣлъ колоколъ, который и назывался набатнымъ. Въ него били во время пожаровъ и тревогъ, и, по разыграніи зари, ударяли въ него три раза, очень рѣзко; потомъ рогатки на выѣздахъ закладывались и ворота запирались, а, послѣ утренней зари, отпирались. Музыканты числились въ здѣшнемъ гарнизонѣ; ихъ было человѣкъ до двадцати, и у нихъ былъ Капельмейстеръ, изъ Нѣмцевъ.

Съѣзжихъ тогда не было; была только одна Полиція; ею управлялъ одинъ Полицмейстеръ, и при немъ Сержантъ и два Писаря. Пожарныхъ инструментовъ только и было въ Полиціи одна труба, да еще на фабрикѣ, у суконщиковъ, которая всегда выѣзжала въ несчастное время, и всегда была исправнѣе Полицейской. На пожаръ наряжались обыватели, съ бочками и съ прочими инструментами пожарными, какъ то: войлочными щитами, ведрами и топорами, кто съ чемъ назначенъ.

Адмиралтейская слобода съ городомъ не смѣшивалась. Она имѣла свое Правленіе, свою Полицію и Полицмейстера, изъ Адмиралтейскихъ служителей, чиновныхъ, и свои пожарные инструменты, потому что тамъ проживали одни Адмиралтейскіе чиновники и служители.

Ягодное село, Игумново, Козья слобода, Гривка, почитались подгородными селеніями. Хотя въ нихъ проживали купцы и мѣщане, но ихъ наряжала Земская Полиція; брали у нихъ подводы и провожали арестантовъ; потому что тогда этапной команды еще не было, а провожали арестантовъ отъ селенія до другаго селенія обыватели; также на ряду съ прочими наряжали и купцовъ, тутъ живущихъ.

На площади, гдѣ теперь бываетъ разводъ, до Пугачева былъ хорошій базаръ, да и послѣ Пугачева, годовъ 15, всегда въ воскресные дни, съѣзжались сюда съ разными жизненными припасами; а до Пугачева лавочекъ было до пяти, но это уничтожилъ все Полковникъ Трескинъ.

По Воскресенской улицѣ домъ Анны Николаевны Родіоновой построенъ до Пугачева, а гдѣ теперь домъ Губернаторскій, тутъ еще съ низу была проѣзжая дорога, и былъ большой оврагъ, по которому лежала и дорога. Домъ, напротивъ Губернаторскаго, строенъ также до Пугачева, Царевококшайскимъ купцомъ, Иваномъ Андреевичемъ Пчелинымъ, а напротивъ Семинаріи, домы Ерешова и Половинкина, строены послѣ Пугачева.

Савиновская мельница послѣ Пугачева построена Московскимъ купцомъ, Ѳедоромъ Григорьевичемъ Лихонинымъ, зятемъ Пушникова. Ее строилъ Англичанинъ, и стоила она болѣе ста тысячь

рублей, только не долго существовала: огонь ее истребилъ и послѣ опять простую построили.

Во время бунтовщика Пугачева былъ Преосвященный Архіепископъ Веніаминъ, который тогда отъ нѣкоторыхъ его недоброжелателей былъ оклеветанъ, яко бы онъ имѣлъ переписку съ Пугачевымъ. За это онъ взятъ былъ подъ крѣпкую стражу, содержался въ своемъ Архіерейскомъ домѣ, въ Кремлѣ, у Благовѣщенскаго Собора. Съ оправданіемъ своимъ онъ посылалъ къ Императрицѣ Казанскаго Богородицкаго Дѣвичьяго монастыря Протопопа, Алекеѣя Іоныча, и былъ оправданъ и произведенъ въ Казанскіе Митрополиты, получилъ бѣлый клобукъ и поселился въ Воскресенскомъ монастырѣ, что у задняго Кабана, на горѣ. Въ соборъ ѣздилъ къ служенію очень церемоніально; большой экипажъ, по тогдашнему названію, *берлинъ*, весь блисталъ золотомъ; упряжка, въ шесть лошадей, всегда была въ шорахъ: кучеръ на козлахъ, одѣтъ въ Нѣмецкій кафтанъ съ огромными обшлагами и въ трехъ-угольной шляпѣ, съ долгимъ въ рукахъ бичемъ. Впереди кареты ѣхали всегда два вершника, въ зеленыхъ епанчахъ, или, по нынѣшнему названію, въ капотахъ. Одинъ на рукѣ держалъ Архіерейскую мантію, а другой посохъ. По пріѣздѣ къ Собору, по выходѣ изъ берлина, Преосвященный надѣвалъ на себя мантію, бралъ посохъ и такъ входилъ въ церковь. Въ продолженіе времени сдѣлался слабъ здоровьемъ, выпросился на упокой и жилъ въ Семіозерной пустыни; и чрезвычайно уже былъ слабъ

здоровьемъ, такъ что и ходить не могъ, и преставился тамъ, и похороненъ въ холодной церкви.

Въ Пугачевщину чудотворная икона, изъ Казанскаго монастыря, была перенесена въ крѣпость, а монахини съ Игуменьей были выгнаты Козаками въ Савиновскую мельницу; но вреда имъ никакого не причинили.

Домомъ тогдашней Гимназіи была простая деревянная изба, съ 50 учениками. Директоръ ихъ, Каницъ, первый показалъ Казанскимъ дворянамъ употребленіе въ пищу лякой спаржи.

СКАЗАНІЕ

КАЗАНСКАГО КУПЦА Л. Ф. КРУПЕНИКОВА.

—

Смѣю доложить Вамъ, (*) когда первые Пугачевскіе отряды пришли въ Казань, я съ моимъ семействомъ спрятался въ большомъ купца Ля-

(*) Обыкновенное, учтивое предисловіе прежнихъ Казанскихъ купцовъ.

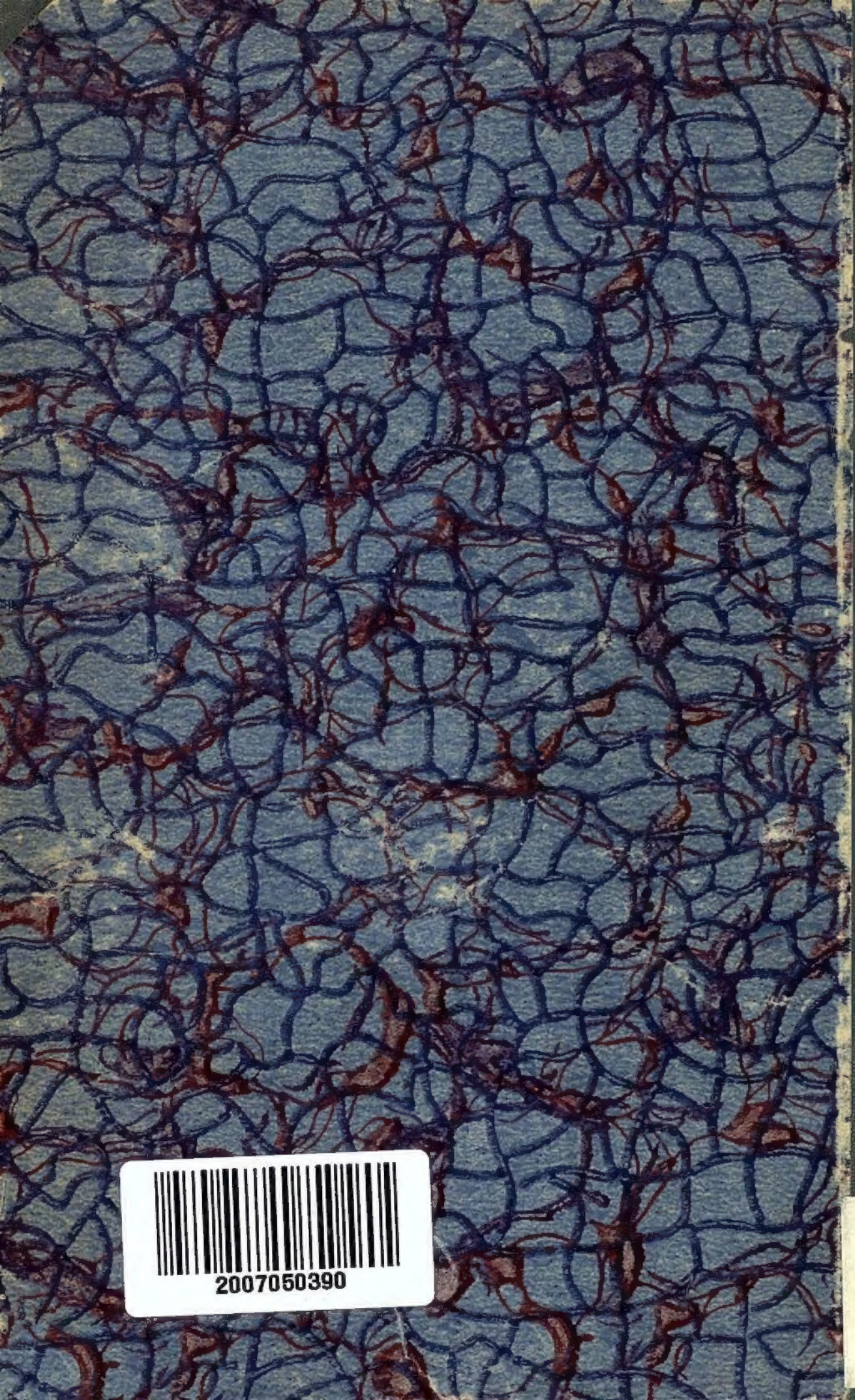
ина саду, находившемся тогда между нынѣшнимъ Кузнечнымъ рядомъ и Лядскою улицей. Но какъ чрезъ нѣсколько часовъ пожаръ сдѣлался всеобщимъ, то мы, опасаясь быть жертвою пламени, отправились тихонько къ Арскому полю.— Мы не подошли еще къ этому полю, какъ напала на насъ шайка мужиковъ, которые сняли съ меня кафтанъ и шапку; но, по счастію, въ карманахъ моего остальнаго платья уцѣлѣло у меня два империала, и въ этомъ состояло тогда все мое имущество. Отойдя нѣсколько далѣе, мы встрѣтили еще козаковъ, которые также напали на насъ, взяли въ плѣнъ, и привели на Арское поле, гдѣ было Казанскихъ торговцевъ человѣкъ до пятисотъ. Всѣ мы были отправлены въ село Царицыно, въ которомъ и ночевали. На другой день, то есть, въ Воскресенье, на разсвѣтѣ отправили насъ въ Борисоглѣбское. Недалеко отъ Царицына встрѣтили мы Пугачева, ѣхавшаго верхомъ въ Казань, съ пятьюдесятью козаками. Пугачевъ и его козаки были одѣты въ длинные, синіе кафтаны. Когда онъ съ нами поровнялся, мы всѣ упали на колѣни и кричали ура; я съ многими другими, отъ испуга, зажималъ крѣпко глаза. Пока мы тамъ стояли, привезли къ нему плѣнныхъ солдатъ, которые защищали на канунѣ батареи на Арскомъ полѣ. Онъ тотчасъ приказалъ имъ отрѣзать косы и оставилъ ихъ въ Царицынѣ, а барабанщиковъ взялъ съ собою. Пришедши въ село Троицкое, мы увидали здѣсь главную ставку Пугачева. Насъ тотчасъ погнали черезъ Борисоглѣбское до деревни Сухой Рѣки, гдѣ козаки насъ и оставили.—Здѣсь

мы слышали издалека громъ пушекъ Полковника Михельсона. Видя себя освобожденными отъ нашихъ провожатыхъ, мы всѣ ночью, на Понедѣльникъ, пошли по прямой дорогѣ въ Казань. Близь города опять напалъ на насъ отрядъ козаковъ, крича: куда вы канальи идете?— И били насъ нагайками. . . . . .

. . . . . .

Главная улица въ Казани называлась Замочная Рѣшетка. Она изъ Спасскихъ воротъ крѣпости шла узкимъ и кривымъ образомъ, по правую руку, къ Ивановскому монастырю, и, частію, къ нынѣшнему гостиному двору. Здѣсь находились маленькія деревянныя лавочки, устроенныя на четырехъ длинныхъ палочкахъ и наполненныя сундуками, замками и разными желѣзными товарами. По лѣвую сторону крѣпости была другая маленькая улица къ Черному озеру, гдѣ стояли также подобныя маленькія лавочки съ хлѣбомъ и крупами. Матушка моя здѣсь торговала крупами. Я, будучи еще маленькимъ, взлѣзъ на верхъ глубокаго ящика, гдѣ были крупы, упалъ туда, и чуть въ нихъ не утонулъ. Вотъ какое было изобиліе въ хлѣбѣ!— . . . . . ,

. . . . . .


2007050390